

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Французский жених,
или Рейтинг одиноких мужчин

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Екатерина Гринева

**Французский жених, или
Рейтинг одиноких мужчин**

«ЭКСМО»

2011

Гринева Е.

Французский жених, или Рейтинг одиноких мужчин /
Е. Гринева — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-49363-0

Жизнь искусствоведа Кристины скучна и однообразна: дом, работа в арт-бюро да нечастые встречи с женатым любовником. И вдруг командировка во Францию! Кристина должна дать экспертное заключение по коллекции картин олигарха Колпачевского, хранящейся в его особняке в Антибах. Чутье не подвело Кристину: три полотна оказались подделками. Теперь ей угрожает опасность – авантюристы, решившие обвести олигарха вокруг пальца, не пощадят эксперта, разоблачившего обман. Вдобавок вор на мотоцикле вырвал у Кристины сумочку... Кто поможет одинокой девушке, оставшейся в чужой стране без денег и документов? Конечно, импозантный француз, которого она встретила в самолете, а потом... в особняке Колпачевского!

ISBN 978-5-699-49363-0

© Гринева Е., 2011

© Эксмо, 2011

Екатерина Гринева

Французский жених, или Рейтинг одиноких мужчин

Я открыла почту. Незнакомый адрес: *murderer*. Строчки почему-то набраны курсивом. «Скоро ты умрешь, сука!»

Я пожала плечами и удалила файл. Может быть, это письмо попало ко мне по ошибке? Какой-то сумасшедший, обозвавший себя убийцей, случайно отправил мне это письмо?

Врагов у меня – нет, завистников – тоже. Обычная жизнь, не предполагающая тайных недоброжелателей или отвергнутых воздыхателей.

Если бы была жива баба Геня – Генриэтта Карловна, моя бабушка со стороны отца, то она бы презрительно вздернула вверх подбородок и изрекла что-то вроде «Хамы развлекаются». Но Геня умерла почти четыре месяца тому назад.

Полуполька-полулитовка, она происходила из древнего польско-литовского рода, восходившего к королевской династии Ягеллонов, всегда старалась быть на высоте и помнить о своих корнях. Меня она воспитывала точно так же. Что бы ни случилось – женщина должна всегда оставаться женщиной. При любых обстоятельствах и в любых ситуациях надо всегда держать «лицо» и «спинку». Никогда не следует показывать мужчине своего внимания к нему – он сразу же охладает или будет считать тебя дешевкой. Нельзя много болтать – это говорит о легкомыслии – кому охота иметь жену-трещотку? Умение молчать – одно из важнейших свойств настоящей женщины. Еще в этот кодекс входило умение печь торты по праздникам, держать квартиру в идеальной чистоте и вести себя со всеми так, словно они тебе по гроб жизни обязаны.

Я до нормативов этого кодекса не дотягивала. Хотя очень старалась. Баба Геня – как звала я ее – воспитывала меня с пятилетнего возраста, а до тех пор я жила в Чехии вместе с родителями и бабушку видела очень редко. Но когда мне исполнилось пять лет, мы вернулись в Москву и мои родители развелись. Отец, сотрудник российского консульства в Чехословакии, получил новое назначение в Шанхай – место помощника консула. При этом успев жениться во второй раз на своей бывшей однокласснице. Моя мать тоже быстро выскочила замуж – за помощника театрального режиссера Владимирского театра. Отец отбыл в Шанхай, мать – во Владимир. Я осталась одна – никому не нужный ребенок с неправильным прикусом, светло-голубыми глазами, белокурыми кудряшками и бантами такой величины, что лица за ними почти не было видно. Вопрос уже стоял о том, чтобы отправить меня в детдом. Но баба Геня решительно этому воспротивилась.

Девочка будет жить со мной, сказала, как отрезала, она. Сказано – сделано. Так я очутилась в ее двухкомнатной квартире в старинном доме на Кропоткинской улице. Геня сразу же рьяно взялась за мое воспитание. Она не отдала меня в детский сад, сама возилась со мной, обучая меня письму и математике, а также иностранным языкам. Сама баба Геня говорила на шести языках. На русском – это само собой, а еще на французском, английском, литовском, польском и итальянском. Вирусом полиглота она хотела заразить и меня. Я очень старалась, в итоге в совершенстве выучила французский, хуже – английский и могла изъясняться еще на немецком, испанском и итальянском. И еще на очень простом уровне знала чешский.

Я была небольшого роста, тонкококстная, с белой кожей, светлыми глазами и чуть скуластым лицом. Белый воробышек, так называла меня Генриэтта Карловна – или Геня, как называла ее я. В школе меня дразнили белобрысой молью. Пару раз я дала обидчикам сдачи, они мне в ответ еще наподдали, и однажды я пришла домой с синяком на лице и разбитыми коленками. Я не плакала, а терпела боль, стиснув зубы, хотя мне хотелось выть во весь голос. «Кто это тебя, – спросила Геня. – Кто?» Я не выдала обидчика. Она усмехнулась и сказала, что я

поступила благородно, но в следующий раз она надерет уши тем, кто дотронется до меня хотя бы пальцем.

Дачи у нас не было – Геня не любила копать в земле, считая это пустой тратой времени, и летом мы либо находились в Москве, либо выезжали в деревню к Калерии Ивановне, в Питерскую область. Там я всласть объедалась земляникой и морошкой, росшими в нескольких метрах от старого домика Калерии. А Геня раскладывала с Калерией пасьянсы, и по вечерам они дружно раздували самовар на еловых шишечках.

Училась я средне. Очень любила литературу и еще больше – искусство. В нашей квартире, заставленной антикварной мебелью, было множество альбомов по искусству. С детских лет я любила эти альбомы рассматривать, держа их на коленях или кладя на столик. Причудливые фантазии Босха, завитушки Буше и сумрачно-зловещие офорты Гойи – все это будоражило мое воображение и фантазию. Кем мне быть, я не сомневалась – только искусствоведом! Геня поддержала меня. Искусство, сказала она, это занятие аристократов, пусть девочка стремится к высокому. Это очень хорошо! Родни у нас не было, кроме отца в Шанхае и матери во Владимире, поэтому все наши проблемы мы решали сами, ни с кем не советуясь.

В ответ на высказывание, что эта профессия человека не прокормит, как говорили некоторые умники из нашего дома, Геня справедливо отвечала – не ваше дело. Это наши проблемы. Низкий голос Гени умело разрешал все конфликты, желающих спорить с ней практически не находилось.

Я поступила в МГУ, на отделение искусствоведения исторического факультета, закончила его и устроилась работать в Музей изобразительных искусств на Волхонке, в отдел западноевропейской живописи. Как и хотела.

Прошло два года, и я поняла, что мне чего-то стало не хватать. Моя жизнь превратилась в череду скучных событий. В музее работали в основном люди пенсионного и предпенсионного возраста. Разговоры их вертелись вокруг чьих-то детей и внуков, и я казалась самой себе молодой салагой, случайно попавшей в их косяк. Работа тоже была скучной – я занималась составлением каталогов имевшихся в музее картин, то есть повторяла работу своих предшественников. Мне стало казаться, что так все и будет тянуться до самой моей смерти и в моей жизни ничего не произойдет. С личной жизнью все тоже было по нулям. Никого, даже самого завалыщенького кавалера, на моем горизонте не обнаруживалось.

Геня призадумалась. Похоже, в своем стремлении воспитать из меня настоящую молодую леди она перегнула палку. Желающих составить компанию этой самой леди что-то не наблюдалось.

И тут подвернулся его величество случай. Как-то раз к нам в музей заглянул по своим делам молодой искусствовед, директор арт-агентства «Верея», и разговорился со мной. Потом он, немного смутившись, попросил у меня визитку. Чего у меня отродясь не было, и я просто дала ему номер своего телефона. Он обещал позвонить.

Я не придавала особого значения его словам, но мой новый знакомый, которого звали Вересов Павел Андреевич, свое обещание сдержал – позвонил.

И не просто позвонил, а пригласил меня в кафе.

В нашем доме это вызвало небольшой переполох.

– Я не пойду – заявила я. – Мне даже и не в чем. У меня все такое старомодное!

– Иди в чем есть, он заинтересовался тобой, а не твоей одеждой, – возражала Геня. – Ты можешь упустить свой шанс.

– Ну и пусть! – возражала я. – Это лучше, чем выглядеть полным чучелом.

– О чем ты говоришь! Ерунда какая-то.

Наверное, я подспудно боялась этого свидания и потому не хотела на него идти. Но Геня буквально вытолкнула меня на улицу, приговаривая:

– Иди! Все будет хорошо.

Вересов повел меня в японский ресторан, объясняя, что это сейчас «ужасно модно». Я слушала его, открыв рот. Он мне сразу показался человеком умным, начитанным и с прекрасным чувством юмора. И очень симпатичным. Хотя, при внимательном рассмотрении, привередливой женщине он мог и не понравиться. Рыжий, волосы часто всклокочены и стоят дыбом, но не потому, что он не дружит с расческой, просто Пашины буйные вихри очень трудно укротить даже при помощи геля, не говоря уж о простой расческе. На носу – россыпь веснушек, очки все время сползают на нос, и он часто их поправляет. Фигура неспортивная. Видно, что человек не торчит в свободное время в фитнес-клубе или тренажерном зале. Но при этом у него – по-мальчишески искренняя улыбка, энциклопедические знания, умение красиво ухаживать и быть галантным. При желании.

В тот вечер он хотел мне понравиться и весьма продвинулся в этом.

Он рассказывал о своей работе, перемежал рассказы о суровых буднях искусствоведа с разными анекдотами и байками. Я от души смеялась и чуть не уронила палочки для еды на пол.

– Ничего страшного. Сейчас принесут новые. А вы? Как вы живете? – внезапно без всякого перехода обратился он ко мне.

Я вся подобралась. Похвастаться мне было нечем. «Живу с бабушкой» – прозвучало бы как-то глупо и убого. «Работаю в отделе западноевропейского искусства» – тоже не лучше.

– Работаю, – не нашла ничего более подходящего я. – Западноевропейская живопись – это очень интересно.

– Особенно если это занятие не кормит, – хмыкнул мой новый знакомый.

– Что вы хотите этим сказать? – проснулась во мне кровь древнего польско-литовского рода. И я чуть было не добавила – «молодой человек»...

– Ничего, – стушевался он. А потом как бы случайно положил свою руку на мою. – Такая тонкая кость. Вы случайно не из дворян?

И тут я сказала ему то, чего не говорила никогда и никому. Во-первых, мне просто было стыдно (Геня говорила, что хвастается и выпячивает себя только быдло), а во-вторых, никто бы мне не поверил. А в-третьих – никому не было до этого дела.

– Я из древнего рода Ягеллонов. Польских королей.

Павел присвистнул. За соседними столиками на нас оглянулись.

– Вау! Раньше я думал, что это все осталось в прошлом: короли, принцы и прекрасные дамы. Но одна из них сейчас сидит передо мной!

– Спасибо, – покраснела я.

– Но могу ли я предложить принцессе из рода Ягеллонов перейти ко мне на работу?

– Как? – растерялась я. – И чем там я буду заниматься?

– Искусством. Как я понял, у вас хорошая квалификация и чувство стиля. Нам такие сотрудники нужны. Вы отлично разбираетесь в искусстве.

– В современном – не очень, – призналась я. – Не понимаю его и не люблю.

– Я тоже, – улыбнулся Павел.

– Но вы считаетесь крупнейшим экспертом по современному искусству! – не выдержала я.

Он вздохнул, снял очки и положил их рядом с тарелкой суши.

– Кристина! Это же такая скользкая область – как зыбкий первый лед. Можно по нему пройти аккуратно, а можно провалиться. Я понятно говорю?

– Относительно.

– Лучше об этом и не спрашивать, – как-то неожиданно заключил он. – Вы у меня будете работать по классическому искусству. Сейчас многие российские олигархи и бизнесмены собирают коллекции различных предметов искусства. Они нуждаются в квалифицированных экспертах и советниках. Вот для этого вы мне и нужны. Теперь понятно?

– Теперь – да. – Я задумалась. По жизни я – отчаянная трусиха и не люблю авантюры. Я привыкла к своему месту работы, к своим пенсионеркам, к их рассказам о внуках и ценах в магазинах. Когда они говорили о знаменитых художниках или критиках, в их интонациях проскальзывали теплые, домашне-интимные нотки.

«Ну, Вазари, голубчик, об этом намекнул очень осторожно». Или: «Рембрандт, как всегда, слезу вышибает»...

Я привыкла к своему кабинету с двумя горшками с геранью на окнах, к своей строгой начальнице Владлене Георгиевне, к ее манерам статс-дамы, когда она хотела поставить меня на место. Я выглядела в ее глазах «зеленой девчонкой» по сравнению с просто «девочками», которым было под шестьдесят. Самой Владлене Георгиевне было уже хорошо за семьдесят.

В кабинете не делался ремонт, наверное, с момента основания Музея изящных искусств, то есть почти сто лет. Покатые своды, бледно-бежевые стены, массивные столы с тугими ящиками, тишина, запах музея – лакированного дерева и пыли. Смеяться или шутить здесь казалось почти святотатством. Компьютер стоял на столе только у меня и еще одной «девочки» – пятидесятисемилетней Татьяны Павловны, нудной старой девы, любившей при случае прочитывать нравоучительную лекцию или без спросу влезть в любой разговор.

– Ну так как? – Павел внимательно наблюдал за мной.

– Я подумаю, – сказала я и выпрямила спинку. Геня была бы довольна мной в тот момент!

– Думайте, – усмехнулся он. – Я подожду. Торопиться мне некуда.

Японская кухня мне понравилась. Собеседник – тоже.

Вересов проводил меня до дома.

– Вы здесь живете? – спросил он, окидывая взглядом старинный дом.

– Да.

– Метры здесь, наверное, кучу бабок стоят?

– Я как-то об этом не думала, – осадил я его. – Я живу в этом доме с самого детства.

– Ну да! Принцесса в красивом замке.

Я уже хотела было обидеться на него, но тут он взял меня за руку и провел моей ладонью по моему лицу. От этой откровенной ласки я смутилась. Но он быстро выпустил мою руку.

– Было очень приятно провести с вами вечер, Кристиночка! Вы – удивительная девушка.

– Спасибо. Вы – тоже.

– Удивительный человек? – И Павел повертел головой. – Я бы так о себе не сказал. Но за комплимент – спасибо. Мы еще обязательно встретимся.

Дул сильный февральский ветер. Павел поднял воротник пальто.

– До встречи.

– До свидания. – И я скрылась в гулком парадном.

Геня не спала.

– Ну, и как прошло свидание?

Она стояла в коридоре – среднего роста, в темном платье с кружевным воротником. Халатов Геня не признавала.

– Хорошо. Он очень славный, – сказала я, разматывая шарф и вешая куртку на вешалку.

– Тебе он понравился?

– Да.

– Пойдем пить чай.

– Я только что из ресторана, Геня!

– Чай с имбирем успокаивает нервы.

– Они у меня в порядке.

– Ты не видишь себя со стороны. Твои глаза блестят, а щеки покраснелись. Ты вся как натянутая струна. И это ты называешь «в порядке»?

Может, я и была взволнована, но только самую малость. Но как это Геня угадала мое состояние?

В кухне Геня зажгла свечи. Она любила иногда чаевничать при свечах. Особенно длинными зимними вечерами, когда огоньки красных, золотых и синих свечей мерцали и метались по стенам искаженными зигзагами.

– Расскажи поподробнее.

– Он сделал мне предложение, – сказала я, усаживаясь за стул с высокой спинкой. И рассмеялась над своими словами: – Звучит двусмысленно? Он предложил мне пойти к нему на работу. В арт-агентство «Верей». Он – искусствовед и эксперт по искусству. Я буду у него работать с классикой. По своему направлению, так что будущий фронт работы мне близок и понятен, переучиваться не придется – это мой профиль. Я обещала подумать.

– Переходи. Даже не думай!

Я чуть не упала со стула. Я-то думала, что Геня примется отговаривать меня и начнет призывать: не надо суетиться, не делай, мол, поспешных шагов.

Оказалось, что думала я так зря.

– Геня, я не ослышалась?

– Нет, – голос у Гени сел, как это всегда происходило, когда она волновалась. – Переходи. Не раздумывай долго. Когда нужно принять важное решение – принимай его быстро. Без колебаний. Будешь долго думать – упустишь судьбу. Она очень легкокрылая и не терпит тугодумов. Поняла?

– Да. – Я была немного удивлена горячностью Гени.

– Он спрашивал тебя: как ты живешь, чем занимаешься?

– Немного, так кое о чем.

– Что ты ему сказала?

– Я... – Я смотрела на Геню, и у меня язык не поворачивался сказать, что я призналась, из какого происхожу рода. Геня бы этого точно не одобрила. Даже бы поругала меня маленько. А может, и сильно рассердилась бы. На всякий случай я решила промолчать. Ради сохранения мира в нашем узком семейном кругу. – Да так. Ничего.

– Он женат?

– Геня! Какое мне дело до этого? – рассердилась я.

– Дело есть. Ты – девушка молодая, и тебе надо мужа искать.

– Геня, а как же любовь? Ты всегда говорила, что надо выходить замуж по любви и не размениваться на проходные романы. Это – твои слова!

Геня замолчала. В бликах свечи черты ее лица приобрели некую резкость. Оно стало как маска – суровое и торжественное.

– Может быть, я ошиблась... – сказала она после недолгого молчания. – Все сейчас так упростилось... Этот ужасный двадцатый век!

– Двадцать первый, – поправила я ее.

– Еще хуже. Все куда-то бегут, мужчины ничем себя не обременяют, жениться не торопятся! Или женятся не на тех. То, что ценилось в мое время, сегодня – ветошь и пыль. Изысканные манеры, целомудрие, загадка... Я немножко ошиблась с методами твоего воспитания. Любовь нуждается в медленном ритме; она не терпит суеты, поспешности. Ей нужно созреть, как цветку. Жуткая банальность, но это так. Сегодня все живут в таком бешеном ритме, что любовь не успевает созреть. В сегодняшнем мире она мало котируется. Выражаясь современным языком – у нее низкий рейтинг.

– Геня! – вскричала я. – Ты о чем?

– Не перебивай меня, – приказала она властным тоном. – Я воспитывала из тебя настоящую леди. Но кому это сейчас нужно? Я перестаралась. Мне надо было сделать тебя более решительной и смелой. А так – ты живешь, как в стеклянном замке. Работа, книги... Иногда

ты выходишь – одна – подышать свежим воздухом. И это – жизнь молодой двадцатичетырехлетней девушки? Кристина! Тебе самой не страшно? А если так будет *всегда*?

– Я... не знаю. – Мне стало как-то не по себе. – Я об этом не думала. Старалась не думать.

– А я думаю. С некоторых пор я только и думаю об этом. Я могу в любой момент умереть.

И ты останешься совсем одна. Женщина должна быть женщиной. Один неудачный, плохой роман искупает самую невинную чистоту.

– Раньше ты мне об этом совсем не говорила!

– Это было раньше! – усмехнулась Геня. – Теперь я думаю по-другому.

– А у... тебя было много романов?

По лицу Гени скользнула загадочная улыбка.

– В моей жизни было все. Мне и умирать не страшно. У меня была такая жизнь – событий в ней хватит на несколько томов! Всего и не опишешь.

– Ты мне мало рассказывала о себе.

– Есть вещи, которые тебе незачем знать.

– Меньше знаешь, крепче спишь?

– Вот именно, – сказала Геня. – Попала в точку.

У меня сильно разболелась голова, и вообще стало как-то не по себе от этого разговора. Может, она у меня разболелась из-за слабого света свечей?

– Спасибо, Геня, за чай, – сказала я, поднимаясь со стула. – Я пошла спать. Завтра на работу...

Работа находилась в пяти минутах ходьбы от нашего дома.

– Завтра же и напиши заявление об уходе.

– Куда мне торопиться?

– Иногда время не ждет, – бросила какую-то непонятную фразу Геня. – Ты меня слышишь: завтра же!

– Посмотрю по обстановке.

Уснула я не скоро. Почему-то мне без конца вспоминался сегодняшний вечер: разговор с Вересовым, его неожиданное предложение и странная беседа с Геней. Почему она хочет, чтобы я ушла с работы? И почему она так мало рассказывала мне о себе? По сути дела, я ничего о ней не знаю. Надо бы расспросить ее поподробнее.

Я написала заявление об уходе. Владлена Георгиевна, поджав губы, спросила меня, куда я ухожу. Узнав, что к Вересову, в арт-агентство «Верея», она поджала губы еще сильнее, «в ниточку».

– Вы оттуда сбежите, Кристина! И очень скоро! Эта работа не для вас.

– Это почему же?

– Вы... девушка умная и интеллигентная, а в этих современных галереях и агентствах работает один сброд. Вот попомните мои слова! Скоро вы придете обратно.

Я окинула взглядом кабинет, в котором все было как всегда – просто-таки музейная благолепная тишина, – и кратко бросила:

– Не приду!

Геня, узнав о моем решении, обрадовалась:

– Молодец! Я рада за тебя.

– Мне уже напророчили скорое возвращение, – мрачно сказала я. Вся эта авантюра показалась мне крайне безрассудным поступком.

– Чепуха! Только быдло боится перемен. Я надеюсь, что когда-нибудь ты заразишься здоровым авантюризмом.

– С чего бы это? Да и что хорошего в болтанке туда-сюда? Менять работы, насиженные места...

– С каких это пор ты стала клушей? Похоже, я действительно с тобой переборщила и вместо молодого вина получила уксус.

На «уксус» я обиделась, но тут Геня очаровательно улыбнулась:

– Девочка моя! Авантюризм – это замечательно! Это когда ветер дует в твои паруса, полные жизни, и ты живешь, вдыхая свежий воздух свободы. Это когда твои волосы треплет ветер и ты не можешь думать ни о чем – только о сегодняшнем моменте. Только о нем! Ты понимаешь меня?

– Ты говоришь, как поэт, – откликнулась я.

– Может быть, – загадочно сказала Геня.

Я перешла работать в арт-агентство «Верея», которое по странной иронии судьбы тоже находилось недалеко от моего дома, как и прошлое место работы – Музей изобразительных искусств. Агентство располагалось в старинном здании; наш офис занимал две небольшие комнаты. Кроме меня и Паши в нем работала Светлана Чиж, как ее называл Паша – «девица на все руки», организатор, секретарь, пиарщица и водитель в одном лице.

Еще у нас работал Женя Рассказов – долговязый парень с вечными наушниками в ушах, креативщик-дизайнер, занимавшийся оформлением наших материалов, брошюр и буклетов.

Вот и все работники. Иногда Павел привлекал и других искусствоведов. Но это случалось крайне редко. В основном мы справлялись собственными силами и мозгами.

Агентство занималось экспертизой картин, точнее, оно отправляло картины на экспертизу, помогало формировать коллекции, оценивать произведения искусства для коллекционеров, изготавливало каталоги галерей и буклеты для галерейщиков и прочих ценителей изящного, а также выпускало онлайн-журнал «Новинки и тенденции арт-рынка», выходивший с периодичностью раз в квартал.

Геня была довольна. Платили мне в пять раз больше, чем на старой работе. А еще через два месяца Павел стал моим любовником.

Нужно ли говорить, что до Паши у меня никого не было? О чем я ему и объявила, страшно смущаясь. Он понял и отнесся ко мне как рыцарь: все было очень нежно, неторопливо и бережно. Я чувствовала себя хрустальной вазой, которую боятся разбить. Из-за его осторожности и собственного страха я даже толком не поняла: понравилось ли мне *это*?

В таких растрепанных чувствах я и пришла домой. Геня все мгновенно поняла. Она достала бутылку старого французского вина и сказала:

– Надо выпить за этот знаменательный акт!

– Да уж!

– Не грусти. Аппетит приходит во время еды. Ты еще все это распробуешь. Но это – потом. Не забивай себе ничем голову. Просто живи и наслаждайся жизнью. Поняла?

– Постараюсь.

Вино было замечательным, и хмель быстро ударил мне в голову.

– Хочется чего-то другого, – призналась я.

– Чего?

– Ну... страсти, о которой я когда-то читала в книгах, – призналась я.

– Алых парусов не жди. Кстати, очень вредная книжка! Я бы никому не давала ее читать. Она – о пассивном ожидании. Женщина должна бороться за свое счастье! Если она встретит своего мужчину – в ход должно идти все: зубы, когти, мозги, помада и кружевные чулки.

– Геня! А ты... тоже так поступала?

– Да.

– А как же твое знаменитое правило, что женщина не должна бросаться мужчине на шею, и вообще, первой проявлять инициативу нельзя?

– А кто говорит об инициативе? – парировала Геня. – Речь идет о том, чтобы бороться за мужчину. Борьба и вешанье на шею – разные вещи. Сражаться надо тонко, очень тонко, чтобы никто ничего и не заметил.

– Геня! А в твоей жизни была любовь? Большая?

– Была. Но больше ты меня на эту тему и не пытай. Не расколюсь! И вообще, тебе уже пора спать.

Я допила вино.

– Я не хочу спать, Геня! Расскажи мне о любви...

Далеко сердце от нее,
О сердце нежное мое!
Покоя нет в разлуке с ней,
В разлуке с ней, душой моей!

Я поняла: это Верлен – любимый поэт Гени.

– Девочка моя! – неожиданно Геня очень разволновалась. – Обещай мне, что ты никогда не поедешь в Париж! Я там едва не умерла. Это страшный город!

– А мне он нравится. И я в нем, кстати, никогда не была.

– Мне он тоже нравится. Но, оказывается, там – очень, очень опасно! Для нас.

– Для кого – «нас»?

– Для тебя и для меня.

– Расскажи мне об этом, Геня! – Я подперла щеку рукой и рассмеялась: – Обожаю фамильные тайны и загадки! Что там случилось такое, что нам с тобой теперь нельзя ездить в Париж? Что-то страшное и загадочное?

– Нет, – отрезала Геня. – Ты еще мала, чтобы знать это.

И тут я рассердилась по-настоящему:

– Ты обращаешься со мной, как с ребенком! Но я не ребенок. Я уже взрослая женщина и имею право знать то, что ты хочешь скрыть. Я бы спросила у отца. Но он слишком далеко. И вообще, как ты знаешь, особой близостью наши отношения не отличаются.

– Он мало что знает. И поэтому ничего сказать и не может. Я люблю тебя, девочка. – Геня перешла на польский, который я почти не понимала. Когда она очень сильно волновалась, всегда переходила на польский. – Очень люблю и поэтому хочу предостеречь.

– От чего?

– Как-нибудь расскажу.

– Как хочешь.

– Подойди ко мне! – неожиданно попросила Геня.

Я подошла.

– Наклонись.

Когда я наклонилась, Геня по-русски расцеловала меня в щеки – три раза, крест-накрест.

– Будь хорошей девочкой и, что бы ни случилось, помни: Бог на нашей стороне! Ты – последняя представительница древнего польско-литовского рода, который берет свое начало от самих Ягеллонов – династии знаменитых польских королей, впоследствии правивших всей Европой – в Венгрии, Чехии... – Геня прижалась лбом к моей груди. – Если бы я могла тебя уберечь от всего!.. Мою маленькую Кристину...

– Геня! Ты говоришь сплошными загадками. У меня голова идет кругом! Сегодня у меня было свидание с Павлом. И ты мне еще подкидываешь информацию, а что и как – пояснить не хочешь.

– Я виновата! – склонила голову Геня. – Я не должна была именно сегодня... Прости.

– Ладно. Я пойду спать. А ты...

– Я помолюсь.

Геня была яркой католичкой, в углу ее комнаты висело изображение Богоматери – древняя икона XV века, вывезенная, по словам Гени, из Италии.

Я легла спать, но слова Гени не шли у меня из головы. Даже впечатления от встречи с Пашей померкли по сравнению с этим клубком семейных тайн. Вряд ли кто-то знает о них досконально. Жила Геня очень замкнуто. У нее была одна-единственная подруга – Калерия Ивановна, бывшая гримерша МХАТа, полька по матери, блондинка с тонкими губами-ниточками, всегда ярко накрашенными, и старый поклонник с десятилетним стажем, полковник артиллерии, Косицкий Валентин Петрович, который очень трогательно ухаживал за Геней. В праздники он непременно ей дарил белые розы или лилии, и еще – бутылки дорогого коньяка. Геня называла его «мой полковник» и благосклонно принимала его ухаживания. Овдовевший полковник вот уже почти десять лет безуспешно склонял Геню выйти за него замуж. Но она неизменно отказывала, с присказкой: «Как же я оставлю мою девочку?» Но, по-моему, Геня просто совершенно не стремилась к замужеству, поэтому и отказывала ему. Я в данном случае являлась лишь благовидным предлогом для отказа.

Постепенно все вошло в накатанную колею. Правда, Паша свое слово сдержал не полностью и заставил меня заниматься русским искусством. А не моим западноевропейским. На русских художников на внутреннем рынке большой спрос, говаривал он неоднократно, и мы должны откликаться на потребности заказчиков. Айвазовский, Шишкин, Репин и иже с ними рулят, и мы не можем игнорировать сей факт.

Я переквалифицировалась и теперь занималась исключительно классическим русским искусством.

Сам Паша был энергичен и вездесущ. С одной стороны, он являлся человеком мягким, тактичным и понимающим. Но с другой – мог повести себя жестко и авторитарно, особенно если речь шла о деле или об офисных проблемах. Он терпеть не мог, когда нарушалась субординация или кто-то из нас лез не в свое дело. Одним из важных направлений нашей работы была экспертиза каких-либо коллекций или картин на предмет их подлинности. Мы составляли предварительную экспертизу – «на глазок» – по документам и каталогам, проверяли происхождение картин и обстоятельства их появления в коллекции – через кого они были куплены, на каких аукционах приобретены? Паша обладал большими связями и умело ими пользовался, чтобы получить выгодный заказ. Он общался с самыми разными людьми и с профессионалами высокого класса. При этом терпеть не мог, когда кто-то из нас случайно выходил за рамки. Однажды я залезла в Пашин комп – он отошел в туалет, а его компьютер как-то подозрительно пискнул... Я подошла к нему и нажала на клавиши... Он завис, и я попыталась привести технику в порядок до возвращения начальника. Паша пришел и заорал на меня, велел, чтобы я никогда, ни при каких обстоятельствах не притрагивалась к его рабочему инструменту.

Я обиделась на шефа; позже он ко мне подошел и аккуратненько подлизался, отпустил какую-то шутку... Но тот урок я хорошо запомнила, так что никуда больше не лезла и вообще к рабочему столу начальника не подходила...

– Представляешь, он наорал на меня! – с обидой сказала я Светлане. – Я пыталась его комп оживить, а он наорал! И какие уж там тайны мадридского двора я узнала? Картотека студентов из Суриковского художественного училища и из Строгановки, список галерей в Чикаго да адрес часовой мастерской на улице Маши Порываевой – вот и все секреты...

– На место ставит нас дорогой наш начальник, – философски отозвалась Света Чиж. – Показывает: кто есть кто в нашей конторе. Не обижайся, он это не со зла. Надо же ему самому себе иногда напоминать, что он – шеф. Понимаешь?

– Понимаю...

Дни текли один за другим, похожие друг на друга. Постепенно я приобрела некоторый авторитет в среде любителей и ценителей искусства, но на всяких тусовках светиться не

любила. Этим с успехом занималась Светлана – любительница потусить и подцепить кавалера из среды любителей искусства. Втайне Светлана мечтала выйти замуж за олигарха, при этом она отчаянно сквернословила и курила практически без остановок. Выглядела Светка под стать стилю современного искусства – броско, эпатажно и непонятно. Носила она красочные балахоны в стиле Жанны Агузаровой, была крашеной блондинкой, стриженной под ежик, а губы подводила либо ядовито-красной, либо темной, почти черной помадой. Своего шефа Светлана откровенно жалела, считая, что он несчастлив в браке.

Этой темы мы с Пашей намеренно не касались. Словно ее и не было. Наши отношения застыли, как муха в янтаре, и не двигались с места – вот уже на протяжении трех лет.

Мы встречались с ним один раз в неделю, на квартире одного Пашиного друга, художника, который предусмотрительно уходил на это время из своей мастерской. Там и протекали наши свидания. До этого мы посещали какое-нибудь кафе, мило беседовали ни о чем и затем шли в мастерскую. И по нашим свиданиям можно было сверять часы. Час – в кафе, полчаса – путь до мастерской и полтора часа – сама любовь-морковь. Потом Паша шел в душ, а я поспешно ликвидировала следы нашего пребывания в мастерской. Художник был натурой артистической и часто оставлял для нас постельное белье немыслимой красоты: то в тонких кружевных розочках, то с ярким абстрактным рисунком, то со строгим геометрическим узором.

– Твой приятель – большой оригинал, – сказала я как-то Паше.

– Мирон? О да! – скривил он губы. – Оригинал и очень милый человек.

– У него есть семья или подруга?

– У него есть любовник. Мирон – гей.

– А... – протянула я.

Паша собирался щелкнуть меня шутливо по носу, но я смерила его ледяным взглядом, и его рука застыла в воздухе. Все-таки древний род и королевская кровь – неплохая шутка, особенно когда нужно поставить мужчину на место.

Геня как-то спросила меня: люблю ли я Пашу? Я надолго задумалась, и она рассмеялась и сказала, что ответа уже не требуется. Я сказала, что привыкла к Паше, но он женат и разводиться не собирается. А я не собираюсь выходить за него замуж. Геня все поняла и больше таких вопросов не задавала.

А я с некоторых пор стала ловить себя на мысли, что мне с Пашей ужасно скучно. Я бы даже хотела порвать с ним, но не представляла, как он к этому отнесется, да и вообще мы вроде бы не ссорились, наши отношения почти идеальны – отношения любовников-интеллектуалов, которые обходятся без разборок, мордобоя и бесконечного выяснения нюансов этих самых отношений. Он меня не поймет.

Я даже подумывала сказать ему, что встретила другого, но почему-то все откладывала решающее объяснение на потом.

Однако в тот вечер моим планам насчет свидания с Пашей не суждено было сбыться. Мне позвонила Геня, чего раньше никогда не случалось, и сказала, что к нам залезли воры.

– И что они взяли? – спросила я.

– Ничего. Но они залезли и... – Геня замолчала.

– Что-то случилось? – подала голос Чиж. Она сидела в своем углу и договаривалась по телефону с каким-то нудным арт-критиком о публикации его материала в журнале «Обозрение».

– Да. К нам влезли воры, – ответила я Свете.

– Да ну! Решетки на окнах у вас есть?

– Нет. Но мы живем на третьем этаже.

– Они чаще всего залезают через окна. Циркачи, вот хрен! А что взяли?

– Пока не знаю. Я съезжу к бабушке. Успокою ее.

– Поезжай!

– А как же мероприятие в галерее «Рост-Кант»? Паша на меня надеется. Там будут влиятельные люди, с которыми мы должны установить контакт, как выразился наш босс.

– Поезжай! Отдуюсь я за тебя и с влиятельными этими типами побеседую... не переживай! – И Чиж махнула рукой. – А ты бабулю свою успокой. Простите, – вернулась она к телефонному разговору, – у нас тут ЧП...

Невольно я передернула плечами. Никогда я, даже про себя, не называла Геню «бабулей» – она бы не позволила.

Геню я застала около дома; она сидела на лавочке в окружении других жильцов нашего дома. Среди них выделялся бездельник Ростислав Качанов – бывший работник обкома. Ему было почти семьдесят, но выглядел он лет на десять моложе; любил обо всем на свете высказать свое личное мнение и дать другим совет, когда его об этом вовсе не просили.

Увидев меня, Геня встала со скамейки. И я вдруг увидела, как она разом словно бы осунулась и постарела, будто за то время, что мы не виделись с ней, набежало не семь часов, а по крайней мере целое десятилетие.

Твердыми шагами Геня направилась ко мне.

– Как все это случилось? – воскликнула я, придерживая ее за локоть.

– Можешь меня не держать, – отрезала Геня. – Я еще не старая развалина.

Никогда еще я не видела Геню в таком сильном раздражении. Я думала, что застану ее плачущей и без конца перебирающей детали случившегося. Но ее глаза были сухи, а губы плотно сжаты.

– Пойдем подальше отсюда. Хотя бы на время, – попросила она. – Там стоял новый замок, но вору это не помешало легко открыть дверь, словно у нас был не лучший английский замок, а простая цепочка, которую можно перекусить плоскогубцами.

– В котором часу это произошло?

– Наверное, в два. Когда я уехала к Калерии. Но я не хочу об этом говорить. Совершенно.

Стоял конец сентября. Дул сильный ветер; он поднимал с земли влажные отсыревшие листья, подбрасывал их в воздухе и яростно расшвыривал по дорожкам сквера, как будто подметал гигантской метлой. Геня была в легком светлом плащике, и я проявила вполне понятное беспокойство, что ей станет холодно и она заболеет.

– Геня! Может, лучше вернуться домой? – робко спросила я.

– Нет. Я не могу сейчас там находиться. Там – чужой дух. Понимаешь? – закончила она шепотом. – Пусть хоть немножко все выветрится.

– На работе мне сказали, что это – гастролеры.

– Не знаю, что там говорили, на твоей работе... – И Геня замолчала.

Какое-то холодное, неприятное чувство вползло в мое сердце.

Мы шли по скверу, и ветер дул нам в спину.

– Геня! Ты знаешь, кто это? – тихо спросила я.

– Конечно, нет, – воскликнула она с поспешной горячностью, слишком поспешной, чтобы это было стопроцентной правдой. – О чем ты говоришь! – прибавила она.

– Бедная девочка, как же ты останешься одна, – пробормотала она по-польски. – Если что...

Этот язык я практически не знала, но в этот момент неким странным, непостижимым образом все поняла и без Гениного перевода.

– Геня! – Я остановилась и взяла ее за руки. Они мне показались руками десятилетнего ребенка – такие тонкие, детские были у нее ручки. – Ничего страшного не случилось. Да – к нам залезли воры. Да – это неприятно. Но мы с тобой живы-здоровы, и это – самое главное. Гораздо хуже все обернулось бы, если бы вор влез в квартиру в тот момент, когда кто-то из нас находился бы дома. Он бы до смерти напугал тебя.

– Да, – певучим голосом протянула Геня. Когда она сильно волновалась, невольно начинала говорить с сильным польским акцентом. – Я очень беспокоилась за тебя.

– За меня? – удивилась я. – Но я была на работе.

– Я не знала, как ты к этому отнесешься, – неожиданно сказала она.

– Никак, Геня. Будем жить дальше, вот и все.

– Вышла бы ты поскорее замуж, и я была бы за тебя спокойна, – вздохнула Геня.

– Раньше ты скрывала от меня свои matrimониальные планы, – рассмеялась я.

– Раньше... теперь никогда не будет так, как раньше, – перешла она на польский. Фраза была длинной, но ее основной смысл я поняла.

А через два дня Геня умерла. Случайно упала в квартире и ударилась виском о край массивного стола из красного дерева... Я была в то время на работе. Пришла домой, увидела лежащую на полу Геню и сразу вызвала «Скорую». Приехавшая бригада констатировала смерть; мне задавали вопросы: не кружилась ли у Генриэтты Карловны в последнее время голова и как вообще она себя чувствовала? Я сказала, что все было нормально... как всегда... При чужих людях я еще держалась, а когда они ушли – заплакала, зажимая рот рукой. Геня никогда не одобряла бурных проявлений чувств, она говорила, что только быдло все выставляет напоказ и ничуть не стесняется этого. Гени больше не было, но я стыдилась громко рыдать или кричать во весь голос, словно Геня могла услышать мои вопли и сделать мне замечание.

Я вышла из квартиры, опустошенная, наткнулась на Качанова.

– Ты что реवेशь? – обратился он ко мне, переминаясь с ноги на ногу. Его руки оттягивали две авоськи с картошкой. – Вот. Купил побольше, говорят, она скоро подорожает.

– Геня умерла.

– Генриэтта! – вытаращил он глаза. – Когда?! Она же сегодня сантехника вызывала!

– Какого сантехника? – не поняла я.

– Он из ее квартиры выходил. Такой, в синей робе, с инструментами. Кран, наверное, протек. У нас такой уж дом – хоть экскурсии сюда води, а ремонт плановый не делают. Все краны проржавели...

– Она мне об этом не говорила.

– А что тут говорить? Труба лопнула, она и вызвала мастера.

– С трубами вроде все у нас в порядке.

– Ну, не знаю, – недовольно протянул Качанов и наконец спохватился: – Мои соболезнования...

Похоронили мы ее тихо, на кладбище нас было всего трое. Калерия Ивановна, полковник Косицкий и я. Ни отец, ни моя мать не появились; им обоим я отправила телеграммы, но никакого ответа пока что не получила. Полковник не мог сдерживать слез, он плакал, и мелкий морозящий дождик как бы вторил его слезам. Он купил три букета белых лилий и усыпал цветами гроб: это было романтично и красиво. Гене это понравилось бы, невольно подумала я. Калерия как бы слышала мои мысли.

– Генриэтта, наверное, была бы довольна, – шепнула она мне.

Я кивнула, меня душили слезы, но плакать я не могла: слезы застревали где-то в самом центре груди и словно давили изнутри, мешая мне дышать. Резкие спазмы простреливали грудь, и от этой боли я морщилась.

– Потом заедем ко мне, – тихо сказала Калерия. – Генриэтта кое-что оставила мне – для тебя.

Когда тяжелые комья земли полетели на гроб и двое работяг энергично заработали лопатами, я невольно отвернулась. Под мелким морозящим октябрьским дождиком мы ушли с кладбища. Я шла и думала: как это странно и непонятно, что мою утонченную, элегантную Геню зарывают: она землю не любила и никогда не копалась в ней. А теперь она лежит там, в могиле, и я уже никогда больше не увижу ее у нас дома.

Я всхлипнула. Полковник стиснул руки и остановился, опустив голову. Мне показалось, что он, заядлый атеист, молится.

– Ну что, пойдете, – негромко позвала я, и мы двинулись дальше.

За оградой мы разделились. Косицкий поехал к себе, а мы с Калерией – к ней, в Бибирево. Десять лет тому назад Калерия разменяла четырехкомнатную квартиру на Ордынке. Дочери досталась хорошая «трешка» на Соколе, а Калерия поехала в Бибирево, проклиная эту «новостройку» и «окраинный район».

Калерия поставила чай и прошла в комнату. Кухня была чистенькой, мебель – старой. Громко тикали часы-ходики, висевшие на стене, а на подоконнике сидел и шурился толстый кот Барсик – нежно-персикового цвета, подобной окраски я раньше никогда у котов не видела.

Калерия вышла из комнаты со шкатулкой в руках, обитой темно-красной кожей.

– Вот. Это Генриэтта просила передать тебе после ее смерти.

– Когда? – Я посмотрела на шкатулку; брать в руки мне ее не хотелось, как будто этим я окончательно признала бы, что Геня мертва.

– Месяц тому назад.

– Но почему...

– Геня просила меня, чтобы ты задавала поменьше вопросов, просто взяла бы эту шкатулку, и все.

Я взяла ее в руки и открыла: там лежало ожерелье из крупного жемчуга, и еще листок бумаги, сложенный вчетверо. Это были стихи Верлена, любимого поэта Гени. «Душе какие муки, муки! Быть с нею, с нею быть в разлуке! Покоя нет в разлуке с ней, в разлуке с ней, душой моей...»

Я сложила снова листок и закрыла шкатулку.

– Спасибо.

– Не за что. А теперь давай выпьем за покойницу водочки и попьем чаю. – И вот еще... – Калерия протянула мне сберкнижку. – На ней лежит двести тысяч рублей. Это тебе Генриэтта Карловна завещала.

– Откуда у бабушки такие деньги?! – вырвалось у меня.

– Не знаю, – пожалала плечами Калерия. – Она мне не рассказывала. Скрытной была, секреты хранить умела.

– Калерия Ивановна! Но что-то вы же о ней знаете! Я не успела расспросить ее хорошенько. Я не думала, что... – В горле моем встал комок.

Калерия помолчала.

– Генриэтта была мастерицей хранить тайны. Я пыталась задавать ей вопросы, но она умело обходила их. Исходя из ее слов, обрывков и намеков я могу лишь сказать, что она рано разошлась с мужем и долгое время жила одна. В тридцать лет она закрутила роман с одним венгром, это была страстная любовь. Она порывалась переехать к нему. Но тогда были такие времена... – Калерия горько усмехнулась. – Не то что сейчас... Вы можете свободно перемещаться по всему миру и даже не задумываетесь, что когда-то все было по-другому! Нервы этим двум влюбленным голубкам потрепали основательно. Но в конце концов Генриэтте удалось вырваться. Они поженились, и она переехала в Венгрию. В Москве остался ее десятилетний сын вместе с бабушкой. Мальчика Генриэтта не захотела отрывать от школы, друзей. Впереди – полная неизвестность. Она осела в Венгрии, и там тихо и постепенно их великая любовь сошла на нет. Но три года они все-таки вместе прожили... Возвращаться в Россию Генриэтта категорически не хотела. Ей удалось после развода выйти замуж за австрийца и переехать в Австрию. Это уже была Европа – не в пример социалистической Венгрии. Другая жизнь, другие возможности... – Калерия задумчиво повертела в руках пустую чашку. – Больше Генриэтта мне ни о чем не рассказывала. Я только знаю, что она какое-то время жила в Париже. Она как-то обмол-

вилась об этом. Но когда я приступила к ней с расспросами – и как отрезало: она замолчала. Почему-то именно об этом периоде своей жизни она совершенно не хотела говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.